

КЪ ЮБИЛЕЮ МИЦКЕВИЧА.

INSTYTUT
ADAM MICKIEWICZ PAM.
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

Въ будущемъ году исполнится столѣтіе со дня рожденія величайшаго польскаго поэта, положившаго начало новому направлению польской литературы, Адама Мицкевича (род. 24-го декабря 1798 г.). Поляки дѣятельно готовятся къ своему національному торжеству. Хотя до юбилея остался еще цѣлый годъ, но уже и теперь страницы польскихъ газетъ и журналовъ полны статей и замѣтокъ, касающихся будущаго торжества.

Тутъ идетъ горячее обсужденіе вопроса о томъ, какъ болѣе правильно назвать улицу именемъ поэта — «улица Мицкевича», или же «улица Мицкевича», тамъ польскій меценатъ объявляетъ конкурсъ на написаніе картины, изображающей какой-нибудь эпизодъ изъ жизни поэта; «Курьеръ Варшавскій» объявляетъ конкурсъ на написаніе популярной біографіи, которую предполагается выдать подписчикамъ въ будущемъ

году въ видѣ бесплатнаго приложенія. Варшава ядовито упрекаетъ австрійскихъ поляковъ, какъ-де они доселѣ не собрались поставить памятникъ Мицкевичу въ Краковѣ. Въ устройствѣ варшавскаго памятника принимаетъ живое участіе все польское общество, и провинціалы изъ самыхъ глухихъ закоулковъ Привислянны заваливаютъ газеты «письмами въ редакцію», гдѣ предлагаютъ всевозможные совѣты, направленные къ тому, чтобы сдѣлать торжество наиболѣе и свѣтлымъ. Одна изъ газетъ

ема народнаго чувства, какой наблюдается и въ журналистикѣ, и въ общественной жизни. Ихъ прямая задача — выяснитъ мировое и національное значеніе поэзіи Мицкевича, доказать, почему въ имени гениальнаго поэта сосредоточена лучшая и благороднѣйшая часть того духовнаго достоянія, какое несетъ польская нація на мировой рынокъ мысли и слова. Мицкевичевскій юбилей, безспорно, вызоветъ цѣлую литературу біографическаго и критическаго характера, пока же — предвѣстниками ея, или, такъ сказать, первыми ласточками являюся два труда, имѣющіе совершенно разнородный характеръ, представляющіе какъ бы двѣ крайнія точки, дальше которыхъ разногласіе мнѣній по данному вопросу идти не можетъ.

Характеръ и направленіе перваго изъ этихъ трудовъ, съ которыми мы намѣреваемся познакомить нашихъ читателей, достаточно опредѣлится самимъ заглавіемъ — «Поэтъ мести» («Ein Dichter des Verrathes»); авторъ его — Иванъ Франко. Произведеніе Франко подняло цѣлую бурю въ польской прессѣ — сначала галицкой, а потомъ и нашей варшавской. Дѣйствительно, довольно рискованно сводить все значеніе Мицкевича только къ проповѣди узкаго націонализма и ненавистничества къ русскимъ; такой взглядъ имѣть за собою больше сомнительнаго вида оригинальности, чѣмъ правдивости и безпристрастія. Какъ бы то ни было, произведеніе Франко вызвало ожесточенные нападки — сначала на книгу, потомъ и на автора, о нихъ трактовали почти съ бѣшенною слюной у рта, что отчасти можно извинить тѣмъ, что, въ самомъ дѣлѣ, какъ-то странно спорить съ серьезной миной противъ очевидной нелѣпости, и притомъ на столько обидной для національнаго польскаго самолюбія. Можно предугадать, что на будущее время за трудомъ Франко останется лишь значеніе громкаго литературнаго скандала, поднятаго имъ — и только; едва ли взглядъ автора трактуемой книжки найдетъ серьезныхъ послѣдователей. Не къ чести только польскихъ изданій надобно сказать, что они зачѣмъ-то старались свести дѣло чуть не на личную почву, видѣть въ «Поэтѣ мести» личную месть Франко всей польской націи. Такъ, одно изъ изданій, справедливо укоряя польскую прессу за напрасный шумъ по поводу произведенія, которое едва ли стоитъ серьезнаго вниманія, начинается рыть-

Адамъ Мицкевичъ.

(Съ портрета Горояца).

возбудила вопросъ о поднесеніи какого-нибудь цѣннаго подарка двумъ сыновьямъ поэта, живущимъ теперь въ Парижѣ, изъ которыхъ одинъ (Владиславъ Мицкевичъ, безызвѣстный польско-французскій публицистъ) понесъ немало трудовъ по изданію нѣкоторыхъ произведеній своего славнаго отца и по собиранію матеріаловъ для его біографіи. И т. д. и т. д. Словомъ, уже и теперь замѣчается живое, пока еще сдерживаемое трепетаніе національнаго чувства — волнуемаго радостью и гордостью, которое, безъ сомнѣнія, хлынетъ веселымъ ключомъ въ самый день празднованія юбилея.

Польскіе ученые, въ свою очередь, не остаются равнодушными зрителями того подѣ-

ся въ прошломъ автора, доказываетъ, что онъ хотѣлъ отомстить полякамъ за недопущеніе его къ доцентурѣ русинскаго языка и литературы въ Львовскомъ университетѣ, а также за одно ужъ «зарекомендовать» себя австрійскому правительству въ качествѣ сторонника нѣмецкой культуры и централизаціи, упрекаетъ, будто бы онъ всегда торговалъ своимъ перомъ, продавая его тѣмъ, кто больше дастъ, и т. д. Впрочемъ, нѣкоторый поводъ къ такого рода разсужденіямъ дать самъ Франко, напечатавшій недавно (въ 1 т. *Obrazków galicyjskich*) «Кое-что о себѣ самомъ» («*Nieco o sobie samym*») — среднее между автобіографіей и исповѣдью. Франко заявляетъ, что онъ происходитъ отъ обрусинившихся нѣмецкихъ колонистовъ (это признаніе даетъ поводъ польскимъ журналистамъ коварно подмигивать — видите-моль, какъ стараются угодить нѣмцамъ!); онъ писалъ сначала въ русинскихъ изданіяхъ, потомъ — въ польскихъ (при чемъ польскую литературу называлъ «наша» — это тоже злорадно напоминаютъ Франко изъ лагеря противниковъ), наконецъ, перешелъ въ нѣмцкія.

Въ настоящее время чувство обиды, вызванное изслѣдованіемъ Франко, нѣсколько поулеглось; имъ почти перестали заниматься. Лишь изрѣдка, по поводу какого-нибудь отдѣльнаго замѣчанія, хромъ проносится по всей польской прессѣ раздражительный возгласъ чловека, котораго затронули за самое больное мѣсто. Да, велика чуткость поляковъ къ родной славі!

Прямую противоположность памфлету Франко составляетъ вышедшее недавно изслѣдованіе Іосифа Калленбаха, профессора славянскихъ языковъ и литературы въ Фрейбургскомъ университетѣ («*Adam Mickiewicz prz. Józifa Kallenbacha, t. I i II, Kraków, 1897*). Если первый можно сравнить съ ракетой, неожиданно вылетѣвшей на значительную высоту, лопнувшей съ трескомъ и разсыпавшейся тысячу искръ, то второе вполне напоминаетъ электрическую лампу, дающую сильный и ровный свѣтъ. Написанное съ чисто-профессорскимъ спокойствіемъ

и обстоятельностью, съ полною научностью и значительнымъ безпристрастіемъ, изслѣдованіе Калленбаха даетъ хорошую обрисовку личности поэта на канвѣ біографическихъ подробностей. Изъ богатой области фактовъ изъ жизни поэта Калленбахъ выбралъ тѣ, которые болѣе ярко рисуютъ его духовное настроеніе и ростъ его генія. Такимъ образомъ главная цѣль труда — представить эволюцію духовной личности поэта, прослѣдить саморазвитіе тѣхъ богатыхъ духовныхъ дарованій и исключительныхъ спо-

собностей, которыя такъ рѣдко совмѣщаются въ одномъ индивиди-
и потому ставятъ облада-

теля ихъ наверху славы, дѣлая его объектомъ чловеческаго поклоненія.

При такой программѣ Калленбаху пришлось всю громадную область біографическихъ частностей сдѣлать лишь — отчасти матеріаломъ, отчасти фундаментомъ — для болѣе широкихъ выводовъ и обобщеній. Иначе говоря — ему пришлось въ видѣ лишь подготовительныхъ занятій изучить

всю литературу о Мицкевичѣ, все, что было написано о жизни и о поемахъ Мицкевича. А это — трудъ очень нелегкій. Если, при общественномъ вниманіи поляковъ къ родной литературѣ, даже о пи-

сательствѣ третьестепенномъ мы можемъ найти цѣлую серію критико-біографическихъ трудовъ разнороднаго свойства, начиная съ глубокомысленныхъ изслѣдованій и кончая поверхностными очерками, то что же сказать о Мицкевичѣ, этомъ краеугольномъ камнѣ польской національной славы? Въ настоящее время можетъ послужить предметомъ очень любопытнаго историко-критическаго изслѣдованія самый процессъ постепеннаго выясненія полной мѣры заслугъ и поэтическаго таланта Мицкевича: до такихъ грандіозныхъ размѣровъ выросла литература о немъ. Здѣсь

достаточно для нашей цѣли намѣтить только главнѣйшіе пункты того продолжительнаго пути, которымъ польская критическая мысль шла къ апофеозу имени Мицкевича.

Не забудемъ, что при жизни Мицкевичу, отрѣшившемуся отъ условныхъ традицій классической школы, господствовавшей тогда въ польской литературѣ, и давшему полный просторъ полету своего вдохновенія, пришлось на первыхъ порахъ встрѣтиться съ недоброжелательствомъ цѣлой литературной партіи, сильной—если не талантами, то численностью и давно закрѣпившеюся репутациею. Впрочемъ, борьбы серьезной не могло быть, такъ какъ силы противниковъ, очевидно, были неравны, да и одряхлѣвшій классицизмъ тогда доживалъ послѣдніе дни. Что касается общества, то немного времени потребовалось, чтобы могучій талантъ Мицкевича подчинилъ его полному обаянію. Итакъ, еще при жизни Мицкевича создалось убѣжденіе, что онъ—великій національный поэтъ, но это убѣжденіе въ значительной степени было, такъ сказать, инстинктивнымъ, безотчетнымъ, общество безсознательно упивалось прелестью «Дѣдовъ» и «Пана Тадеуша», не задаваясь мыслями, гдѣ источникъ и корень этой прелести. Въ первыхъ трудахъ, посвященныхъ Мицкевичу, видимъ только слабыя попытки обрисовать общественное значеніе поэзіи Мицкевича (Мохнацкій, Гоцинскій, Цибульскій); исключительное вниманіе было сосредоточено на собираніи и группировкѣ фактическаго матеріала для его подробной біографіи. Завершеніемъ этой серіи изслѣдованій біографическаго характера является капитальный трудъ К. Эстрейхера (напеч. въ львовскихъ *Rozmąjsóciach* за 1859 г.); здѣсь представленъ полный сводъ біографическаго матеріала, при чемъ выводы этого ученаго остаются окончательными и доселѣ. Послѣ труда Эстрейхера, составившаго замѣтную грань въ литературѣ, посвященной Мицкевичу, и закончившему какъ бы первый періодъ уясненія личности поэта, слѣдовало перейти къ эстетической оцѣнкѣ того духовнаго наслѣдства, которое оставлено гениемъ поэта. Толчокъ въ этомъ направленіи дали «Путевыя письма» («*Listy z podróży*») Одынца. Предприняты были новыя изысканія въ области бурной жизни поэта, и въ результатъ ихъ появилось нѣсколько превосходныхъ монографій (лучшія—извѣстнаго критика Хмѣлевскаго, проф. Третьяка и Влад.

Мицкевича, сына Адама), въ которыхъ длинная цѣпь внѣшнихъ подробностей жизни поэта составляетъ одну стройную картину изящной отдѣлки. Съ 1886 г. начинается новый періодъ данной литературы: вниманіе критики направляется на выясненіе самаго процесса творчества, появляются историко-критическія монографіи, посвященные анализу отдѣльных произведеній или даже персонажей, параллельно этому идетъ и специально-библіографическая работа—критическая провѣрка текста, изслѣдованіе автографовъ и т. д.; большую услугу въ послѣднемъ отношеніи оказало основанное въ 1886 г. въ Львовѣ общество имени А. Мицкевича, которое уже осенью слѣдующаго года издало цѣлый томъ матеріаловъ. «Послѣднимъ словомъ» въ данной области остается шеститомный трудъ Влад. Мицкевича (изд. въ Познани 1890—1895 г.), гдѣ приведено много новыхъ данныхъ о послѣднихъ 15 годахъ жизни поэта.

При такомъ положеніи дѣла братья за простой пересказъ біографіи Мицкевича—это значило бы осуждать себя на безцѣльный и скучный трудъ пережевыванія того, что давно и притомъ вполне хорошо всѣмъ извѣстно. Поэтому проф. Калленбахъ избралъ болѣе благодарную и болѣе плодотворную задачу, а именно—поставилъ для рѣшенія проблему не историческую, а психологическую.

Внѣшний видъ изслѣдованія таковъ. Въ первомъ томѣ—8 главъ. Въ первыхъ двухъ говорится о годахъ дѣтства и школьныхъ, третья посвящена анализу перелома въ настроеніи поэта въ 1820—1822 гг., въ слѣдующихъ трехъ представленъ генезисъ первыхъ произведеній—балладъ, «Гражины», «Дѣдовъ» и «Крымскихъ сонетовъ», въ седьмой—«Конрада Валленрода», восьмая посвящена 1829—1833 гг. и выясняетъ взаимодействіе тогдашняго общественного настроенія и личныхъ порывовъ поэта, а отсюда и его творчества. Во второмъ томѣ проф. Калленбахъ въ хронологическомъ порядкѣ касается третьей части «Дѣдовъ» и «Книгъ польскаго народа и паломничества» (9-я гл.), въ 10 и 11 гл. даетъ анализъ «Пана Тадеуша». 12 глава посвящена оцѣнкѣ драматическихъ произведеній, которыя доселѣ (по выраженію автора) или не дооцѣнены, или переоцѣнены. Дѣло въ томъ, что Мицкевичъ не хотѣлъ сдѣлать уступки сценическимъ требованіямъ, не хотѣлъ пожертвовать ни своимъ лиризмомъ,

ни индивидуализмомъ историческихъ фигуръ, въ этомъ ихъ слабая сторона, какъ драматическихъ произведеній, и сильная, если ихъ разсматривать съ обще-литературной точки зрѣнія. Касательно преподавательской дѣятельности Мицкевича въ Collège de France г. Калленбахъ признаетъ, что въ лекціяхъ поэта-профессора было много архаическихъ теорій, недосказанностей, часто истина приносилась въ жертву, въ угоду личной симпатіи. Объ эпохѣ увлеченія Мицкевича теоріями извѣстнаго мистика Андрея Товянскаго говорится, что овладѣвшее поэтомъ настроеніе является результатомъ самостоятельнаго роста его мистическихъ наклонностей. Свой основной взглядъ на значеніе Мицкевича проф. Калленбахъ формулируетъ такъ: «среди поэтовъ другихъ народовъ можно указать такихъ, которые обладали болѣе высокимъ умомъ, болѣшимъ творческимъ даромъ; но другаго поэта, который былъ бы для своего народа тѣмъ, чѣмъ для насъ былъ Мицкевичъ, доселѣ еще не было».

F. 82456

Бабушка и внучка.
(Рис. Поля Элье).